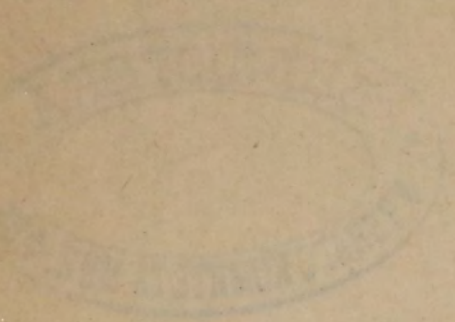

10557.

100

10557

В св. 1893, VIII

10557

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

— Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. *Николая — она.*
Спб., 1893. — *Реч. Алоизиуса Л. [Павлова]*

мур. "Вестник Европы", 1893 VIII

I.

Мы не разъ указывали на странное недоразумѣніе, въ какое впадаютъ экономисты при обсужденіи вопроса о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государственной власти въ экономическую жизнь народа. Предполагается обыкновенно, что отсутствіе какихъ-либо специальныхъ покровительственныхъ мѣръ въ пользу хозяйственныхъ интересовъ отдѣльнаго общественнаго класса или сословія — означаетъ невмѣшательство, и что послѣднее обеспечивается дѣйствиємъ такъ называемыхъ общихъ законовъ, одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ страны. А между тѣмъ именно эти „общіе законы“ даютъ опредѣленное принудительное направленіе всему ходу народнаго хозяйства, устанавливають и охраняють извѣстныя экономическія начала и отвергаютъ или игнорируютъ другія, незамѣтно, но неуклонно ломають старыя основы быта, даютъ неизбежное преобладаніе частнымъ интересамъ надъ общественными и народными, въ силу установившихся понятій и принциповъ гражданскаго права, — и экономисты даже не замѣчаютъ этого постояннаго разлагающаго дѣйствія традиціонной юриспруденціи или приписываютъ это дѣйствіе какому-то сознательному коварному плану, внушенному будто бы въ новѣйшее время промышленнымъ классомъ или „капитализмомъ“.

Вполнѣ понятно и естественно, что составители и исполнители законовъ повсюду проникнуты обычными, издавна господствующими идеями и интересами той общественной среды, къ которой принадлежать по рожденію и воспитанію, и что они добросовѣстно считаютъ эти привычныя идеи незыблемыми основами общаго порядка и благоденствія. Этимъ объясняется тотъ мало кѣмъ замѣченный, но чрезвычайно важный фактъ, что „общіе законы“, обязательные для всего населенія, вездѣ приноровлены къ житейскимъ условіямъ и понятіямъ небольшой верхней части общества, т.-е. высшихъ и среднихъ его слоевъ. Особенно рѣзко и сильно должно было проявиться значеніе этого факта у насъ въ Россіи, благодаря крестьянской реформѣ, призвавшей къ самостоятельной жизни многіе милліоны бывшихъ крѣпостныхъ разныхъ наименованій. Населеніе свободныхъ русскихъ обывателей, составлявшее прежде пятую часть всей народной массы, слилось формально съ крестьянскимъ большинствомъ, а гражданскіе законы, созданныя специально для крѣпостной Россіи, для помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ, сдѣлались сразу общими для цѣлаго народа. Сохраненіе крестьянскаго суда и самоуправления, съ допущеніемъ дѣйствія народныхъ обычаевъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, не могло помѣшать внезапному напору новыхъ юридическихъ началъ, вторгшихся со всѣхъ сторонъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и съ неудержимой силою, въ сельскій бытъ освобожденнаго крестьянства. Миръ денежныхъ сдѣлокъ и взысканій, хозяйственныхъ и торговыхъ оборотовъ, формальныхъ документовъ и исполнительныхъ листовъ, земельныхъ залоговъ и продажъ охватилъ безграмотную крестьянскую массу обширною сѣтью, изъ которой нѣтъ возможности вырваться, и народъ остался вполнѣ беспомощнымъ среди многочисленныхъ недоразумѣній, дающихъ обильную пищу всякаго рода эксплуатаціи.

Такъ какъ существующіе иностранные кодексы составлялись уже послѣ отмѣны крѣпостныхъ порядковъ, въ періодъ равноправности всѣхъ классовъ общества, то они больше принимаютъ въ расчетъ особія хозяйственныя отношенія и обстоятельства сельской жизни, чѣмъ наши гражданскіе законы. Въ кодексѣ французскомъ существуютъ, напр., постановленія о половникахъ, о крестьянской арендѣ, объ отдачѣ скота внаймы или въ содержаніе, при чемъ имѣется въ виду охрана интересовъ поселянъ; между прочимъ, арендная плата понижается въ случаѣ потери не менѣе половины жатвы по случайнымъ причинамъ. Продажа недвижимости можетъ быть уничтожена по причинѣ слишкомъ низкой цѣны, на которую согласился продавецъ подъ вліяніемъ

крайности и нужды, но купившій имѣеть право удержать за собою землю, доплативъ недостающую сумму до размѣровъ справедливой цѣны и т. п. (Code civil, art. 1674—1686, а также art. 1769—1770 и 1800—1831). По итальянскому кодексу также точно наниматель можетъ требовать уменьшенія слѣдующей съ него арендной платы, если не менѣе половины годичнаго урожая погибло отъ случайныхъ причинъ; при долгосрочной арендѣ, по наступленіи срока найма, арендаторъ имѣеть право на вознагражденіе за улучшенія, сдѣланныя на снятомъ участкѣ. Подобныхъ постановленій не могло быть въ нашемъ сводѣ законовъ, когда крестьянство составляло еще собственность помѣщиковъ и казны и не имѣло вовсе права заключать какія-либо самостоятельныя сдѣлки; а гражданскіе законы остались почти безъ переменъ послѣ крестьянской реформы. Въ нашихъ законахъ, въ виду ихъ происхожденія и характера, господствуетъ вообще болѣе строгій формализмъ, гораздо большее уваженіе къ буквѣ и формѣ, чѣмъ въ иностранныхъ законодательствахъ, и этотъ своеобразный духъ, унаслѣдованный отъ бюрократіи старыхъ временъ, держится упорно по традиціи, несмотря на коренное преобразование народнаго быта и на измѣнившіяся требованія жизни. Съ подчиненіемъ крестьянскаго суда и самоуправленія мѣстнымъ чиновникамъ-дворянамъ, падаетъ послѣдняя преграда, отчасти охранявшая крестьянство отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, и отдѣльныя частныя поправки не измѣняютъ этого положенія, выяснивагося вскорѣ послѣ великаго акта 19-го февраля 1861 года. Одновременно съ экономическимъ переворотомъ открылся широкій просторъ для юридической ломки, которая послѣдовательно и незамѣтно разрушала тѣ, что достигнуто было поземельнымъ устройствомъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, писатели, разсуждающіе о народномъ хозяйствѣ, рѣдко обращаютъ вниманіе на законодательство, господствующее надъ экономическимъ бытомъ народа; отсюда происходитъ крайняя односторонность въ пониманіи причинъ и условій многихъ хозяйственныхъ явленій. Если къ этой односторонности присоединяется еще приверженность къ какой-нибудь опредѣленной теоріи и стремленіе объяснить ею всевозможные экономическіе факты, то крупныя основныя ошибки превращаются въ цѣльную и стройную систему, которая невольно внушаетъ къ себѣ довѣріе своей внѣшнею логичностью. Такимъ именно характеромъ отличается вышедшая недавно книга г. Николая — она, замѣчательная по богатству и точности собраннаго матеріала, по сложности и тонкости анализа, по смѣлой рѣшительности выво-

довъ. Первая часть этой книги, напечатанная въ 1880 году въ журналѣ „Слово“ и оставленная теперь безъ всякихъ почти измѣненій, была въ свое время очень замѣчена читающею публикою и литературою. Факты, установленные авторомъ, весьма поучительны и интересны; но имъ дается специальное освѣщеніе при помощи теоріи Маркса, выработанной на основаніи данныхъ западно-европейской и особенно англійской промышленной жизни. Тѣ печальные симптомы хозяйственнаго упадка и разложенія, которые должны были неизбежно возникнуть у насъ при неограниченномъ господствѣ элементарнаго хищничества въ разныхъ видахъ и формахъ, на почвѣ общихъ гражданскихъ, торговыхъ и вексельныхъ законовъ,—принимаются за результаты развитія и торжества „капитализма“ въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово вѣрные послѣдователи Маркса. Капиталистическое производство, предполагающее принадлежность средствъ и орудій труда капиталистамъ, а не рабочимъ, виновато будто бы въ томъ, что масса нашего крестьянства обнищала и доведена была до голода 1891 года. Самый капитализмъ, сущность котораго сводится къ эксплуатаціи неимущихъ богатыми предпринимателями, изображается въ видѣ какой-то новой, пришедшей извнѣ разрушительной силы, которой будто бы не было у насъ мѣста до крестьянской реформы.

Г. Николай —онъ готовъ даже отдать преимущество крѣпостному порядку передъ позднѣйшимъ, по-реформеннымъ, въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ прежде преобладала у насъ будто бы народная форма производства, а не капиталистическая. „Форма процесса производства,—говоритъ авторъ,—выработанная многими вѣками хозяйственной дѣятельности Россіи и получившая недавно въ крестьянскомъ „Положеніи“ санкцію закона, форма, въ которой орудія производства принадлежатъ самимъ производителямъ, стала въ противорѣчіе съ новою формою процесса производства, въ которой орудіе труда ни подъ какимъ видомъ не должно принадлежать производителю. Вліяніе этой новой формы можно прослѣдить въ самомъ „Положеніи“ 19-го февраля, допускающемъ такъ называемый даровой, нищенскій надѣлъ, и въ особенности въ тѣхъ его статьяхъ, которыя относятся къ горнозаводскимъ рабочимъ. Статьи эти идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ направленіемъ „Положенія“, надѣляя горнозаводскихъ рабочихъ только одной десятиной земли и не узаконивая выкупа самаго орудія производства—завода. Само „Положеніе“ было лебединою пѣснью стараго процесса производства; послѣ него не было ни одного законодательнаго акта, имѣющаго

цѣлью развитіе крестьянъ, какъ производителей; вся послѣдующая государственнo-хозяйственная дѣятельность была направлена въ совершенно противоположную сторону“ (стр. 66—67). Отсюда пошли всѣ наши бѣдствія, до неурожая и голода 1891 года включительно. „Голодь этого года показалъ намъ то осязательности ясно, какъ былъ невѣренъ тотъ хозяйственный путь, которымъ мы шли за послѣднія тридцать лѣтъ. вмѣсто того, чтобы придерживаться тѣхъ основъ хозяйственной жизни, которая оставило намъ историческое прошлое; вмѣсто того, чтобы развивать достигнутые результаты помощью науки, знанія и опыта, которые намъ давались даромъ западной Европою, мы свернули съ пути, которымъ шли въ продолженіе многихъ вѣковъ; мы стали устранять производство, основанное на тѣсной связи непосредственнаго производителя со средствами производства, на тѣсной связи земледѣлія и обрабатывающей промышленности, и положили въ основаніе своей хозяйственной политики развитіе производства капиталистическаго, основаннаго на экспроприаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями, которыми теперь страдаетъ западная Европа. Мы не только шли на встрѣчу этимъ бѣдствіямъ, но обостряли ихъ, покровительствовали болѣе быстрѣйшему отдѣленію средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, и въ концѣ концовъ достигли того, что капитализмъ развился дѣйствительно сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ валовое производство страны сократилось. Бѣдствіе 1891 года показало, къ чему можетъ привести капиталистическое производство въ странѣ съ мало развитыми и уменьшающимися жизненными потребностями, въ странѣ, запустившей свое научное развитіе, въ странѣ съ слабыми намеками на знанія техническія, агрономическія и др., въ странѣ, все промышленное развитіе которой основывается на дальнѣйшемъ отдѣленіи средствъ производства отъ производителей, на искусственномъ способствованіи такому отдѣленію, а слѣдовательно на искусственномъ ускореніи образованія массы лицъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора, и постоянно бродящихъ изъ конца въ конецъ по всей странѣ въ поискахъ за работой и не находящихъ ея“. Вся бѣда наша въ томъ, что „самое производство приняло капиталистическую форму, что оно перестало быть народнымъ, что мы постарались, при всей нашей „самобытности“, перенять отъ западной Европы именно то, что въ ней было худшаго, то, отъ чего она бѣдствуетъ, то, что она никакъ не можетъ упорядочить“ (стр. 281—282). Капитализмъ произвелъ у насъ такой переворотъ, „подобія которому мы на-

прасно стали бы искать на протяженіи всего тысячелѣтія, пережитаго нами. Ни удѣльныя безурядицы, ни татарщина не касались формъ нашей хозяйственной жизни; поэтому по минованіи всякихъ невзгодъ формы эти не только сохранялись, но благодаря исключительно имъ, благодаря этимъ народнымъ производствамъ и основываясь на нихъ, колонизовалась и населилась вся южная Россія, колонизовалась Сибирь; благодаря этимъ формамъ, мы видимъ русское государство такимъ, какое оно есть въ настоящее время. И все это несмотря на гнетъ крѣпостного права со всѣми его послѣдствіями во всѣхъ областяхъ общественной жизни, и только благодаря тому, что основныя формы народнаго производства оставались незатронутыми: непосредственные производители и средства производства не были разобщены. То, чего не могли сдѣлать никакія невзгоды, произвело такое разединеніе. Въ самый короткій срокъ произошла коренная ломка всего промышленнаго строя: домашнее производство крестьянства было убито, въ области обрабатывающей промышленности произошло полнѣйшее отдѣленіе средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей. Крестьянство въ этой области было экспроприровано“ (стр. 284).

Изъ этой длинной цитаты можно видѣть, что авторъ весьма оригинально смотритъ на всю исторію нашего народно-хозяйственнаго строя. Положеніе дѣлъ до и послѣ крестьянской реформы представлено какъ будто навыворотъ. Неужели при крѣпостномъ правѣ земля принадлежала непосредственнымъ производителямъ, т.-е. крестьянамъ, а послѣ освобожденія отошла отъ нихъ? Развѣ помѣщичье и казенное хозяйство, при полномъ безправіи народныхъ массъ, имѣло что-либо общее съ „народною формою производства“? Цѣлая пропасть отдѣляла владѣльцевъ орудій земледѣльческаго производства отъ непосредственныхъ производителей, обработывавшихъ землю своимъ трудомъ; помѣщикъ распоряжался землею и самими крестьянами какъ свою собственностью, отрывалъ крестьянъ отъ воздѣлываемыхъ ими участковъ по своему усмотрѣнію, переводилъ людей изъ одной деревни въ другую, перечислялъ ихъ въ дворовые, продавалъ ихъ оптомъ и въ розницу (пока это право не было ограничено закономъ), собиралъ продукты крестьянскаго труда въ свою пользу, — и въ этомъ, болѣе чѣмъ капиталистическомъ, почти рабовладѣльческомъ способѣ хозяйства г. Николай — онъ усматриваетъ „народную форму производства“, соответствующую будто бы хозяйственнымъ интересамъ и правамъ трудящихся! Быть можетъ, авторъ имѣетъ въ виду то обстоятельство, что фактически крестьяне бдльшею

частью сохраняли старыя связи съ землею подѣ условіемъ отбыванія извѣстныхъ повинностей натуральныхъ или денежныхъ; но такія же фактическія связи съ „орудіями производства“ существуютъ и даже переходятъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ, у многихъ рабочихъ семействъ на фабрикахъ и заводахъ, особенно на рудникахъ, въ каменноугольныхъ кояхъ и пр., въ современной Европѣ, и однако это обстоятельство нигдѣ не считается признакомъ „народной формы производства“, въ противоположность капиталистической.

Если „Положеніе“ 19-го февраля закрѣпило за крестьянами право на землю, которою они прежде пользовались фактически, то именно этимъ восстановлена была отчасти первоначальная народная форма землевладѣнія и земледѣлія, уничтоженная или подорванная когда-то экспропріаціею крестьянства въ пользу помещиковъ и казны. Какимъ же образомъ „Положеніе“, упразднившее старый порядокъ помещичьяго хозяйства съ даровымъ крестьянскимъ трудомъ, можетъ быть названо „лебединою пѣснью“ именно этого „старого процесса производства“? Авторъ говоритъ о послѣдовавшей затѣмъ, благодаря капитализму, „экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства“; но что это за экспропріація, когда она совершилась и въ чемъ заключалась, въ области крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія, — остается загадкой. Насколько извѣстно, общая площадь крестьянскихъ надѣльныхъ земель не уменьшилась со времени „Положенія“ 1861 года, и согласно варварской терминологіи экономистовъ, примѣняющихъ къ землѣ фабрично-промышленныя понятія объ орудіяхъ и средствахъ производства, никакого „отдѣленія средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей“ не произошло. Гдѣ же тотъ переворотъ, который по своимъ послѣдствіямъ превзошелъ будто бы всѣ ужасы удѣльныхъ неурядицъ и татарщины?

Хотя авторъ говоритъ о производствѣ вообще, не выдѣляя земледѣлія, но въ сущности онъ оставляетъ въ сторонѣ крестьянское землевладѣніе и строитъ свои общіе выводы только на судьбахъ обрабатывающей промышленности. Однако, въ предшествовавшую эпоху, насколько извѣстно, фабрики и заводы основывались на началахъ откровенной и суровой эксплуатаціи рабочихъ силъ, съ нѣкоторымъ участіемъ принудительнаго рабовладѣльческаго элемента, и отыскивать въ этомъ фабрично-заводскомъ устройствѣ какіе-либо признаки народной формы производства было бы просто смѣшно. Слѣдовательно, и въ этой области у насъ, напротивъ, ограничили и подвергли контролю старыя злоупотребленія, а вовсе не

вводили новаго, худшаго принципа на мѣсто прежняго, хорошаго. Что же касается вытѣсненія домашнихъ и кустарныхъ промысловъ развитіемъ фабричнаго производства, то начало этого вытѣсненія авторъ напрасно связываетъ съ моментомъ крестьянской реформы; въ дѣйствительности, новѣйшій по-реформенный капитализмъ не имѣлъ уже надобности „переводить ткацкіе станки изъ избъ къ себѣ на фабрики“, отдѣлять крестьянъ отъ средствъ и орудій производства и т. п., ибо все это сдѣлалось гораздо раньше, какъ видно изъ свѣденій, цитируемыхъ въ одномъ мѣстѣ самимъ авторомъ, относительно главнаго, центрального района нашей промышленности. Въ московской губерніи ткачество составляло домашнее занятіе крестьянъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ; „нѣсколько позже появилась выработка льняныхъ и грубыхъ суконныхъ тканей для рынка; съ начала XVIII столѣтія стало распространяться производство шолковыхъ тканей, которое постепенно развивалось и наконецъ охватило большинство уѣздовъ. Съ настоящаго столѣтія суконное производство начало исчезать изъ крестьянскихъ избъ, а шолковое постепенно концентрируется въ ограниченныхъ мѣстностяхъ богородскаго и коломенскаго уѣздовъ; въ то же время начинаетъ развиваться выработка тонкихъ шерстяныхъ тканей, и наконецъ, съ 1822 года (годъ введенія высокой покровительственной пошлины) появляется бумажное производство, которое начинаетъ вытѣснять всѣ остальные роды ткачества и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ является преобладающимъ занятіемъ крестьянъ во все свободное отъ земледѣльческихъ работъ время. Самая организація промысла съ 1822 года совершенно измѣняется: вмѣсто самостоятельныхъ кустарныхъ производителей, крестьяне становятся лишь исполнителями нѣкоторыхъ операцій крупнаго фабричнаго производства; они ограничиваются лишь полученіемъ задѣльной платы“ (стр. 108). Такъ характеризуется послѣдовательный ходъ дѣла въ одномъ изъ сборниковъ статистическихъ свѣденій по московской губерніи. Очевидно, новѣйшая по-реформенная эпоха не можетъ отвѣчать за факты, совершившіеся еще въ двадцатыхъ годахъ, и г. Николай — онъ направляетъ свои удары совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ.

Доктринерство въ духѣ Маркса принимаетъ у автора крайне типичную и своеобразную форму: простая справка съ мнѣніями и словами учителя замѣняетъ для него всякіе критеріи истины и окончательно рѣшаетъ всякіе спорные вопросы. Чтобы опровергнуть взглядъ какого-нибудь ученаго экономиста, онъ противопоставляетъ ему выписку изъ книги о „Капиталѣ“ — и больше ничего. Онъ и не признаетъ Родбертуса и относится къ нему

насмѣшливо только потому, что Марксъ отрицалъ Родбертуса и старательно умалчивалъ объ его теоріяхъ и идеяхъ, отдѣлываясь отъ нихъ только рѣзкими ироническими замѣчаніями; а между тѣмъ, напримѣръ, мысль Родбертуса о невозможности приравнивать земли къ капиталу заслуживала бы, по крайней мѣрѣ, упоминанія, въ видѣ противовѣса шаблонному и плоскому взгляду, относящему землю къ рубрикѣ „средствъ и орудій производства“. Г. Николай — онъ постоянно цитируетъ Маркса и приводитъ изъ него цѣлыя страницы; всѣ другіе экономисты-теоретики для него, можно сказать, не существуютъ, — точно такъ же, какъ и самъ Марксъ не допускалъ въ политической экономіи другихъ авторитетовъ, кромѣ своего собственнаго. Въ семидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ чисто юношескаго увлеченія книгою о „Капиталѣ“, такое безусловное преклоненіе предъ каждымъ словомъ учителя было еще извинительно и понятно; но теперь спокойная научная критика могла бы уже вступить въ свои права и отбросить въ сторону элементъ поклонничества, неумѣстный въ серьезной литературѣ. Любопытно, что у людей, проповѣдующихъ принципы общиннаго хозяйства и отвергающихъ экономическій индивидуализмъ, обнаруживается готовность пассивнаго подчиненія чужому авторитету въ самой высшей области человѣческой дѣятельности, — какъ бы въ наглядное доказательство того, что даже въ умственной сферѣ трудно отрѣшиться отъ привычки подчиняться своего рода капиталистамъ-предпринимателямъ, и что въ наилучше организованной общинѣ всегда будутъ вожди, за которыми послушно пойдетъ большинство, въ ущербъ своей независимости и своимъ интересамъ.

Чтобы подтвердить непогрѣшимость теоріи Маркса въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ, авторъ пожертвовалъ нѣкоторыми существенными требованіями здравой логики, хотя онъ прекрасно владѣетъ и умѣетъ пользоваться всѣми орудіями точнаго научнаго метода; онъ не только усвоилъ идеи и способы разсужденія Маркса, но старается говорить его тяжеловѣснымъ языкомъ, употребляетъ его любимые обороты и приемы, хотя несомнѣнно обладаетъ искусствомъ самостоятельно излагать свои мысли въ ясной и образной формѣ. Эти особенности книги г. Николая — она не умаляютъ достоинствъ ея положительнаго, хозяйственно-статистическаго содержанія, и самое богатство матеріала, разработаннаго авторомъ, обязываетъ насъ отнести внимательно къ тѣмъ выводамъ, которые онъ дѣлаетъ, и къ тѣмъ способамъ, какими онъ до нихъ доходитъ.

II.

При оцѣнкѣ хозяйственнаго положенія нашего крестьянства выступаетъ передъ нами прежде всего вопросъ о непомерной тяжести податныхъ платежей и взысканій. Черезъ десять лѣтъ послѣ крестьянской реформы оказалось, что платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли, составляли почти 200⁰/₀, т.-е. „они не только отдавали весь свой доходъ съ земли, но должны были еще приплачивать столько же изъ стороннихъ заработковъ“. Прошло еще десятилѣтіе, и „народное хозяйство достигло такого состоянія, что дальнѣйшее ухудшеніе можетъ вести только къ вырожденію“. Но подати за это время возросли сравнительно немного, и, по мнѣнію автора, „только ими однѣми нельзя объяснить того положенія, въ которое стало крестьянство“. Другими словами, для разоренія сельскихъ обывателей недостаточно еще отнимать у нихъ систематически весь добываемый ими доходъ съ земли, сверхъ значительной доли личныхъ заработковъ; эта простая причина могла бы удовлетворить экономиста, еслибы дѣло шло о какомъ-либо другомъ общественномъ классѣ, который умѣетъ громко заявлять о своихъ бѣдствіяхъ и нуждахъ, но относительно молчаливой крестьянской массы требуются иныя, болѣе глубокія и сложныя объясненія.

Отыскивая эти болѣе глубокія причины крестьянскаго разстройства и упадка, авторъ тотчасъ находитъ ихъ въ западно-европейскомъ капитализмѣ, занесенномъ къ намъ послѣ крымской войны и вступившемъ въ жестокую борьбу съ враждебными ему принципами нашего хозяйственнаго строя. Средства для борьбы были избраны „такія, повидимому, невинныя, какъ кредитъ и желѣзныя дороги“. Государство принялось энергично устраивать и расширять желѣзно-дорожную сѣть, не щадя для этого никакихъ усилій и затратъ; но финансовая сторона дѣла была такъ плохо организована, что всѣ прибыли доходныхъ линій идутъ въ карманы частныхъ лицъ, а дефициты остальныхъ дорогъ падаютъ на казну, при чемъ задолженность дорогъ государству равняется почти всей суммѣ издержекъ на ихъ постройку. Одновременно съ желѣзными дорогами развились и умножились кредитныя учрежденія; и тѣ и другія—какъ подробно показываетъ авторъ на основаніи своихъ статистическихъ выкладокъ и таблицъ,—живутъ и держатся производительностью народнаго земледѣлія, отражаютъ въ себѣ главные моменты сельскаго хозяйства, въ

видѣ двойныхъ годовыхъ волнъ—весенней и осенней, и дѣйствуютъ съ наибольшею энергіею именно въ тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ наибольшее значеніе для мужика-землепашца. Пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ достигаетъ наибольшей величины въ августѣ, когда рабочіе окончили свои работы въ владѣльческихъ хозяйствахъ и „возвращаются къ своимъ пенатамъ“; столь же правильно увеличивается перевозка грузовъ въ періодъ послѣ жатвы. Приливы и отливы денегъ въ кассахъ банковъ, переводы суммъ изъ столицы въ провинцію и обратно, соотвѣтствуютъ колебаніямъ и требованіямъ хлѣбной торговли; въ связи съ этимъ находятся временные выпуски кредитныхъ билетовъ. Къ концу лѣта нужны деньги для того, чтобы получить отъ производителя продуктъ его лѣтнихъ работъ. „Посмотрите,—говоритъ авторъ,—какъ уже заранѣе заносится оружіе нашего времени, специальная функція котораго—отдѣленіе продукта труда отъ производителя; посмотрите, какъ уже заранѣе, съ іюля и августа, готовятся деньги, какъ онѣ подкрадываются къ производителю, чтобы въ удобный моментъ быть готовымъ сдѣлать свое дѣло. Самаго процесса производства онѣ знать не хотятъ. Производитель только и милъ для нихъ непосредственно по окончаніи работъ. И дѣйствительно, въ сентябрѣ только и нужно, что деньги. Кассы банковъ пустѣютъ. Государственный банкъ выпускаетъ ихъ (кредитные билеты) въ этотъ одинъ мѣсяць больше, чѣмъ во всѣ остальные мѣсяцы года. Словомъ, нужны деньги и деньги:—онѣ идутъ въ народъ; это единственный мѣсяць въ цѣломъ году, когда онѣ болѣе или менѣе близко видятъ ихъ. Пусть ихъ туда идутъ, ихъ не жаль, онѣ знаютъ своего хозяина и не залежатся за мужицкимъ голенищемъ, а возвратятся въ тотъ же карманъ, откуда вышли, но возвратятся не однѣ, а принесутъ съ собою то, за чѣмъ ходили, принесутъ земледѣльческіе продукты“ (стр. 24).

Процессъ обращенія денегъ и продуктовъ, въ связи съ дѣятельностью банковъ и желѣзныхъ дорогъ, описанъ авторомъ мастерски. Роль капитализма въ этомъ процессѣ обрисована весьма картинно. Вывозъ хлѣбовъ за границу увеличивается въ ущербъ народному потребленію; часть чистаго сбора, идущая въ государственный доходъ (около 40%), возросла въ теченіе десятилѣтія всего на 1%, а часть хлѣба (отъ 10 до 18%), идущая за границу, т.-е. въ пользу капиталистовъ, отняла у народнаго питанія болѣе 8%. Такимъ образомъ „капиталистическое накопленіе происходитъ на счетъ сокращенія народнаго потребленія“. Въ одномъ мѣстѣ авторъ допускаетъ уже, хотя и въ видѣ на-

тяжки, что и хлѣбъ, вывозимый за границу, продается крестьянами для внесенія податей (стр. 42—3) и слѣдовательно идетъ также въ пользу государства. Тѣмъ не менѣе за упадокъ крестьянскаго хозяйства при такихъ условіяхъ отвѣтственна будто бы только та доля хлѣбнаго сбора, которая проходитъ черезъ руки капиталистовъ. „Съ приростомъ населенія земледѣльческій трудъ не сталъ производительнѣе; а это послѣднее обстоятельство надо поставить въ вину тому же капиталистическому хозяйству“, ибо „какое бы то ни было производство можетъ развиваться (лишь) при томъ условіи, чтобы часть продукта не только вновь шла на производство, но чтобы часть труда могла быть обращена на увеличеніе успѣшности труда. А такъ какъ земледѣльческое хозяйство—не капиталистическое, то капиталисты не считаютъ своею обязанностью заботиться объ этомъ, а у крестьянина, чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе успѣшнымъ, средствъ уже не хватаетъ, такъ какъ и на прокормленіе у него остается хлѣба почти на седьмую долю меньше прежняго (стр. 40). Почему капиталисты должны больше заботиться о земледѣліи, чѣмъ само государство, отбирающее у крестьянъ почти половину всего валового земледѣльческаго продукта,—этого авторъ не разъясняетъ. Капитализмъ особенно оживился въ годы войны, насколько можно судить по количеству цѣнностей, отдаваемыхъ на храненіе въ государственный банкъ. Конечно, увеличеніе суммы вкладовъ могло быть объяснено гораздо проще—обычными обстоятельствами тревожнаго времени, отъѣздомъ массы состоятельныхъ лицъ въ армію, естественнымъ застоємъ въ дѣлахъ, и т. п.,—но авторъ не останавливается на такихъ простыхъ объясненіяхъ. Такъ какъ въ 1877 г. размѣръ ежегоднаго возрастанія суммы вкладовъ почти удвоился, то очевидно „народное бѣдствіе дало возможность усилиться капиталистическому накопленію вдвое“. Капиталь „спекулировалъ на поприщѣ народнаго несчастія“, и даже воинственное настроеніе нашихъ шовинистовъ и газетчиковъ вызывалось лишь страстью къ капиталистическому накопленію. Желѣзныя дороги, кредитныя и торговыя операціи приспособились къ одной цѣли и достигли надлежащаго развитія уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. „Весь этотъ гигантскій механизмъ, до сихъ поръ недостаточно скрѣпленный, двигавшійся неравномѣрно, получилъ окончательное скрѣпленіе; всѣ его части какъ нельзя лучше приладились другъ къ другу, и онъ двинулся уже правильно, равномѣрно, съ достаточною скоростью. И уже теперь, при усиленіи движенія какой-нибудь части, онъ пойдетъ быстрѣе, весь цѣликомъ, при чемъ потенциальная энергія продуктовъ производства можетъ

обратиться въ энергію движенія и еще болѣе ускорить ходъ всего механизма. Но потенціальная энергія продукта есть прямой результатъ труда—энергіи движенія—и земли, къ которой прилагается этотъ трудъ. Если живая энергія труда и потенціальная энергія земли будутъ постоянно разсѣваться, выражаясь механическимъ языкомъ, то потенціальная энергія продукта, которая обращается въ живую энергію обмѣна, также разсѣется; другими словами, если производители и земля будутъ по прежнему оставаться въ пренебреженіи, то ходъ всего механизма обмѣна сначала нѣсколько замедлится, затѣмъ это замедленіе будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться до полной остановки всего механизма“ (стр. 51). Около двухъ третей всего годичнаго средняго урожая отнимается у крестьянъ, такъ что производитель располагаетъ въ свою пользу продуктами только третьей части своего рабочаго времени, т.-е. онъ работаетъ два дня въ недѣлю на себя и четыре на другихъ (на подати и пр.); отсюда тотъ странный фактъ, что крестьяне осенью продаютъ свой хлѣбъ, а весною покупаютъ его обратно. Предметы народной пищи постепенно вовлекаются въ кругъ торговли и отчасти исчезаютъ изъ мѣстнаго потребленія, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и усилившемуся производству для продажи. Денежное хозяйство „сократило деревенское потребленіе пшеницы до нуля. „Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ пшеницей, оно взялось за рожь; но здѣсь ему пришлось встрѣтить препятствіе со стороны крестьянскаго желудка, который, къ его прискорбію, не можетъ остаться совсѣмъ безъ пищи. И вотъ начинается между ними борьба. Орудіе торговли—деньги. Она (т.-е. торговля) и предлагаетъ болѣе высокую цѣну за рожь (мы видѣли, что цѣна ржи повысилась, между тѣмъ какъ цѣна пшеницы не только не повысилась, но даже нѣсколько понизилась). Съ другой стороны, какъ ни эластиченъ желудокъ производителей, но и этой способности есть предѣлы; потребленіе достигаетъ минимума, ниже котораго оно идти не можетъ; но въ жару борьбы желудокъ уступилъ слишкомъ значительную часть поля битвы деньгамъ, а послѣднія, разъ завоевавъ что-нибудь, уже не отступятъ ни на шагъ, такъ что та доля, которою пришлось довольствоваться крестьянскому желудку, оказалась гораздо ниже количества, требуемаго для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. Другими словами, организмъ уже не въ состояніи выносить при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ то, что приходилось выносить при прежнихъ. Онъ дѣлается болѣе слабымъ, болѣе податливымъ, и не можетъ уже съ прежною успѣшностью приспособляться къ внѣшнимъ измѣняющимся условіямъ; онъ дѣлается

болѣе склоннымъ ко всякимъ болѣзнямъ, эпидеміямъ и пр., а это на языкѣ біологовъ носить страшное названіе *вырожденія*. Не чума, дифтеритъ и прочія болѣзни усилились, а ослабѣлъ организмъ: въ этомъ существенное различіе“ (стр. 61—3).

Болѣзнь опредѣлена мѣтко и сильно, особенно если вспомнить, что приведенныя строки написаны были тринадцать лѣтъ тому назадъ. Но въ чемъ заключаются причины болѣзни и какія нужны тутъ лекарства? Внѣшній механизмъ обмѣна и передвиженія не могъ заставить мужика отдавать или продавать продукты, необходимые ему самому для пропитанія; мужикъ продаетъ хлѣбъ и потомъ покупаетъ его снова не для того, чтобы доставить доходъ желѣзнымъ дорогамъ, банкамъ и торговцамъ, а напротивъ, желѣзныя дороги, банки и торговцы орудуютъ съ крестьянскимъ хлѣбомъ только потому, что хлѣбъ неизбѣжно выносятся мужикомъ на рынокъ, для полученія денегъ. Крестьянинъ отдаетъ все бѣльшую и бѣльшую долю своего продукта не оттого, что существуютъ готовые усовершенствованные способы сбыта и увоза сельскихъ произведеній. Желѣзныя дороги и торговля операціи суть орудія, облегчающія и ускоряющія обмѣнъ, а вовсе не самостоятельные факторы, непосредственно побуждающіе производителей сокращать потребленіе въ пользу капиталистовъ. Крестьяне вынуждены во что бы то ни стало добывать деньги въ извѣстные мѣсяцы года, для покупки сѣмянъ, для покрытія казенныхъ и всякихъ иныхъ платежей, и долги, заключаемые ради этого на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, уплачиваются послѣ жатвы. Даже обильный урожай, — какъ показываютъ свѣденія, приводимыя самимъ авторомъ (стр. 144 и слѣд.), — обыкновенно уходитъ почти весь на погашеніе долговъ, и мужику остается жить впроголодь среди общаго процвѣтанія хлѣбной торговли. Капиталисты (желѣзно-дорожные, банковые и прочіе) пользуются по мѣрѣ силъ этимъ печальнымъ положеніемъ крестьянства, но не они создали это положеніе. Г. Николай — онъ разсуждаетъ иначе; онъ не идетъ далѣе анализа способовъ, какими продуктъ удаляется отъ производителя, и не ищетъ уже другихъ источниковъ зла, кромѣ капитализма.

За выводами изъ совершающихся у насъ фактовъ авторъ обращается къ Марксу, у котораго и заимствуетъ общій взглядъ на борьбу двухъ противоположныхъ хозяйственныхъ формъ. Что у насъ ничего не дѣлалось для поднятія народнаго земледѣлія, а напротивъ подрывались производительныя силы и средства сельскаго населенія податными строгостями, односторонними мѣропріятіями въ пользу крупной промышленности и торговли, въ

пользу развитія денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ,—это совершенно вѣрно; но было бы крайне странно утверждать, что за этою ошибочною экономическою политикою, основанною на рядѣ недоразумѣній и иллюзій, стояла какая-нибудь сознательная система эксплуатаціи. Государство, по мнѣнію автора, служило какъ бы орудіемъ въ рукахъ капитализма. „Такъ какъ,—говоритъ онъ словами Маркса,—сила всегда служитъ повивальной бабкой старому обществу, когда оно бываетъ беременно новымъ, и сама сила есть экономической дѣятель“, то „капиталистическое хозяйство пользуется государственными средствами, этою сосредоточенною и организованною силою, для того, чтобы явиться на свѣтъ“ (стр. 68). Слѣдовало бы только прибавить: гдѣ у насъ та буржуазія, которая олицетворяла бы собою капитализмъ и направляла бы силы государства въ свою пользу? Новый порядокъ вещей устроивался на казенный счетъ, во имя настоятельныхъ государственныхъ потребностей, подъ вліяніемъ тяжелыхъ ударовъ крымской войны; насажденіе у насъ внѣшнихъ принадлежностей культурной и промышленной жизни производилось на скорую руку, безъ надлежащей охраны интересовъ казны и плательщиковъ податей; громадныя выгоды легко доставались ловкимъ дѣльцамъ и аферистамъ,—но никакой общественный классъ, кромѣ развѣ дворянскаго и чиновничьяго, не могъ приписывать себѣ руководящаго участія въ происходившихъ преобразованіяхъ и перемѣнахъ, со всѣми ихъ неудачными особенностями, упущеніями и недосмотрами. Въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ,—если оставить въ сторонѣ хищническіе элементы наживы при эксплуатаціи казенныхъ средствъ,—выражалось не направленіе капиталистическое, противоположное духу крестьянской реформы, какъ думаетъ авторъ, а направленіе общественно-культурное, государственное, вызванное нагляднымъ урокомъ безсилія крѣпостной Россіи подъ стѣнами Севастополя. Г. Николай —онъ невѣрно относитъ желѣзныя дороги къ разряду предпріятій чисто-капиталистическихъ; онъ самъ долженъ былъ признать, что пассажирское движеніе по этимъ дорогамъ есть по преимуществу мужицкое и больше всего способствуетъ развитію отхожихъ промысловъ и заработковъ. Желѣзныя дороги не только уносятъ продукты изъ страны, но и приносятъ ихъ въ случаѣ надобности; народный голодъ бывалъ и раньше, вопреки предположенію автора, и повторялся много разъ въ обширныхъ размѣрахъ, но снабдить голодающихъ хлѣбомъ (даже американскимъ) и предупредить всѣ ужасы прежнихъ временъ возможно было теперь исключительно благодаря существованію новыхъ „капиталистическихъ“ средствъ сообщенія.

Найдя корень зла въ капитализмѣ, авторъ послѣдовательно отвергаетъ необходимѣйшія мѣры улучшенія крестьянскаго быта, такъ какъ эти мѣры не вытекаютъ изъ теоріи Маркса. Кредитъ вовсе не поможетъ производителю, даже „если вмѣсто денежныхъ ссудъ будутъ выдаваемы ссуды хлѣбомъ“. Не поможетъ и облегченіе податной тягости, ибо „на какихъ бы плательщиковъ данная цифра бюджета ни разлагалась“, при совершенной несоразмѣрности ея съ среднею успѣшностью труда, она „во всякомъ случаѣ всею своей тяжестью ляжетъ опять-таки на трудъ, такъ какъ намъ уже извѣстно, что развивающіяся условія обращенія умѣютъ теперь и впредь сѣумѣютъ взять у производителя болѣе чѣмъ нужно“ (стр. 77). Выходитъ, что для крестьянина все равно, продаетъ ли онъ продуктъ въ свою пользу, на примѣръ, для покупки лошади, или въ пользу казны, для уплаты вѣчнонакопляющихся недоимокъ и сборовъ всякаго рода. Еслибы сказать что-либо подобное о лицахъ другихъ сословій, то это было бы дико: никто не считалъ бы для себя безразличнымъ, отдать ли деньги въ видѣ налога, или употребить ихъ для своихъ собственныхъ нуждъ; но для мужика можно придумывать особую логику, непримѣнимую ни къ кому другому, и онъ возражать не станетъ. Не поможетъ народу, по мнѣнію автора, и система переселеній; она, пожалуй, облегчитъ немного на первое время, но „затѣмъ все приметъ прежній видъ, и мы опять будемъ кричать о переселеніи, какъ будто намъ и въ самомъ дѣлѣ тѣсно“. Тѣснота земельная, зависящая отъ недостаточности или ничтожества надѣловъ, можетъ однако подавлять крестьянъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ обширныя заброшенныя земли частныхъ владѣльцевъ и казны, и гдѣ намъ вовсе не „тѣсно“, а даже слишкомъ просторно въ элементарномъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ окружающія имѣнія и пустоши недоступны малоземельнымъ крестьянамъ, то поиски новыхъ свободныхъ мѣстъ вполне естественны и законны; временное облегченіе тоже имѣетъ свою цѣну, а иногда оно кладетъ начало болѣе прочному и окончательному улучшенію. Если бы пренебрегать временнымъ и преходящимъ (а въ сущности все временно въ нашей жизни), то пришлось бы, напр., отказаться отъ мысли помочь голодающимъ: голодные насытятся лишь на короткое время и затѣмъ опять будутъ нуждаться въ хлѣбѣ; всѣхъ не накормишь, и общее положеніе не поправится отъ отдѣльныхъ случаевъ помощи, — какъ и разсуждали у насъ многіе сытые филистеры. Г. Николай — онъ видитъ одинъ только способъ спасенія: „необходимо сойти съ того пути, который стремится къ развитію обмѣна, торговли и пр., и напра-

вить всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей при свободномъ владѣніи ими орудіями труда“. Но развитіе успѣшности земледѣльческаго труда предполагаетъ измѣненіе податной системы, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, устройство мелкаго краткосрочнаго кредита для временныхъ хозяйственныхъ надобностей крестьянъ, взамѣнъ господствующаго нынѣ въ селахъ кредита ростовщическаго, разорительнаго и убійственнаго для населенія,—такъ что въ общую формулу автора неизбѣжно входятъ тѣ самыя средства, которыя онъ отрицаетъ въ отдѣльности.

Впрочемъ, фраза о развитіи успѣшности труда производителей можетъ остаться вполне безсодержательною, если имѣть въ виду тѣ многочисленныя и категорическія оговорки, которыя дѣлаются въ другихъ мѣстахъ книги. Пока капитализмъ существуетъ и развивается, ничего нельзя сдѣлать — или не стоитъ ничего дѣлать — для крестьянства, съ точки зрѣнія г. Николая — она. Ибо „еслибы даже высшая производительность земледѣльческаго труда стала явленіемъ болѣе постояннымъ, но при этомъ сохранились бы капиталистическія условія производства и обращенія, то капитализмъ сдумѣлъ бы свести долю крестьянства въ продуктѣ къ той величинѣ, которою оно въ среднемъ пользуется теперь“ (стр. 201). „Производительность земледѣльческаго труда у насъ слишкомъ низка, нашимъ крестьянамъ приходится продавать свои продукты ниже ихъ индивидуальной стоимости, но каждое повышеніе такой производительности, при отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, при ея капитализаціи (т.-е. при вытѣсненіи кустарныхъ промысловъ фабричнымъ производствомъ), ведетъ къ удешевленію продукта — и только. Еслибы производительность труда у насъ поднялась вдвое, то за четверть пшеницы платили бы теперь не 12 р., а шесть (такъ измѣнилась бы цѣна на всемірномъ рынкѣ??),—вотъ и все. Несомнѣнно, что слѣдуетъ напрягать всѣ силы, слѣдуетъ призвать на помощь науку для повышенія производительности труда, такъ какъ въ противномъ случаѣ пропасть между нашею индивидуальною стоимостью (т.-е. стоимостью нашихъ продуктовъ) и стоимостью на міровомъ рынкѣ будетъ все болѣе и болѣе расширяться. Введеніемъ травосѣянія, плужной вспашки, машинной уборки и пр. и пр., мы только будемъ немного замедлять расширеніе пропасти между нашею стоимостью и стоимостью міровою. Но мы этимъ ни на волосъ не подвинемъ рѣшенія вопроса, который все грознѣе и грознѣе надвигается на насъ, и корень котораго лежитъ въ отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія. Мы жалуемся на крестьянское малоземелье, на

недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, которые не въ состояніи прокормить крестьянскія семьи и дать настолько продукта, что продажею его было бы возможно уплатить подати и покрыть растушія потребности. Даже въ томъ случаѣ, еслибы путемъ выкупа, помощью ли крестьянскаго банка, или какими-либо иными способами, вся удобная земля попала въ собственность крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ еслибы, — какъ это теперь и совершается, — все большее и большее число промысловъ переходило въ руки капиталистовъ-предпринимателей, положеніе крестьянства едва-ли улучшилось бы. Ему платили бы только за то время, въ продолженіе котораго оно работаетъ; а такъ какъ годовое рабочее время при капитализаціи промысловъ все болѣе и болѣе сокращается, то крестьянство получало бы только плату за полугодовое рабочее время“ (стр. 234—225). Послѣднее разсужденіе было бы вѣрно, еслибы многоземельный крестьянинъ былъ только рабочій, а не самостоятельный производитель земледѣльческихъ продуктовъ; притомъ полугодовая работа на участкѣ въ 20 или 30 десятинъ давала бы несравненно болѣе обеспеченіе, чѣмъ такая же работа на участкѣ въ три или четыре десятины, — и отрицать эту азбучную истину можно только подъ неодолимымъ вліяніемъ туманной теоріи, дѣйствующей на нѣкоторые умы какъ бы гипнотизирующимъ образомъ. Будетъ ли уменьшаться или увеличиваться „пропасть между индивидуальною стоимостью продуктовъ и міровою“ — это вопросъ, отъ котораго нашему крестьянству ни тепло, ни холодно; для народа прежде всего важно, чтобы были продукты въ достаточномъ количествѣ, чтобы они меньше уходили на платежи и повинности, чтобы оставалось сколько нужно для пропитанія и для правильнаго веденія хозяйства. Упадокъ домашнихъ и кустарныхъ промысловъ гораздо меньше чувствителенъ для крестьянина съ большимъ земельнымъ надѣломъ, чѣмъ для малоземельнаго; иначе у насъ не было бы вовсе зажиточныхъ крестьянъ, и всѣ очутились бы въ одинаковомъ безотрадномъ положеніи, съ недостаточной платой за „полугодовое рабочее время“. Уничтожить фабрики, чтобы возстановить домашнее и кустарное производство, тамъ гдѣ оно исчезло, — немыслимо, и едва-ли авторъ серьезно остановился бы на подобномъ проектѣ. Трудно также ожидать, что будутъ упразднены „капиталистическія условія производства и обращенія“, какъ напр. желѣзныя дороги. А между тѣмъ безъ закрытія фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ невозможно будто бы думать о прочномъ улучшеніи быта крестьянъ. Получается какой-то безнадежный заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Въ крайне растянутыхъ и многословныхъ разсужденіяхъ автора о происшедшемъ будто бы у насъ „отдѣленіи производителей отъ средствъ производства“ развиваются и подтверждаются много разъ извѣстныя всѣмъ общія экономическія аксіомы; но только нигдѣ не указывается въ точности, какія именно средства производства отняты у производителей, — если понимать отнятіе и экспроприацію не въ смыслѣ фигуральномъ. Кустарные производители стали работать для фабрикъ и не поправили этимъ своего положенія; но они еще больше бѣдствуютъ тамъ, гдѣ работаютъ для мѣстнаго рынка, для мелкихъ скупщиковъ и торговцевъ. Производители по прежнему владѣютъ своими орудіями и инструментами; они могутъ на своихъ надѣлахъ разводитъ ленъ, заниматься ткачествомъ и т. п., но отчасти перестали дѣлать это по разнымъ и сложнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ развитіе фабричной промышленности далеко не всегда играетъ рѣшающую роль. Домашніе промыслы, имѣющіе цѣлью удовлетвореніе собственныхъ потребностей крестьянъ, сократились или исчезли подъ вліяніемъ значительныхъ общихъ перемѣнъ въ складѣ деревенской жизни; но говорить по этому поводу объ экспроприаціи, объ отдѣленіи средствъ и орудій производства отъ производителей — значитъ просто злоупотреблять словами. Въ обширномъ отдѣлѣ о „капитализаціи промысловъ“, весьма интересномъ съ фактической стороны, постоянно, чуть ли не на каждой страницѣ, повторяются съ утомительнымъ однообразіемъ тѣ же выраженія объ „экспроприаціи крестьянъ отъ средствъ производства“, и въ концѣ концовъ, кажется, что самъ авторъ, отъ частаго повторенія, увѣровалъ въ эту экспроприацію, смѣшивая съ нею простой подрывъ и стѣсненіе крестьянской промышленной дѣятельности крупными фабричными предпріятіями. Вредное вліяніе многихъ фабрикъ и заводовъ на крестьянскіе промыслы, дававшіе народу возможность съ пользою употреблять свободные зимніе мѣсяцы, не подлежитъ никакому сомнѣнію; безспорно также, что крупная промышленность, убивая мелкую, занимавшую миллионы рабочихъ рукъ, и поглощая лишь ничтожную часть освободившихся рабочихъ силъ, наноситъ сильные удары народному благосостоянію и ослабляетъ общую производительность народнаго труда. Все это убѣдительно свидѣлствуется цифрами и фактами, собранными авторомъ, независимо отъ длинныхъ теоретическихъ разъясненій и комментариевъ, только запутывающихъ и затемняющихъ дѣло, ясное само по себѣ. Дѣло теперь лишь въ томъ, какъ поддержать падающіе крестьянскіе промыслы, какъ обезпечить ихъ существованіе и развитіе въ народной средѣ, какъ избавить ихъ отъ эксплуатаціи

скупщиковъ и фабрикантовъ; но въ этомъ отношеніи авторъ не предлагаетъ ничего опредѣленнаго и ограничивается лишь неясными, отчасти противорѣчивыми намеками.

Нельзя даже понять, что собственно нужно было дѣлать, по мнѣнію автора, для энергическаго и цѣлесообразнаго противодействія фабричнымъ и вообще капиталистическимъ захватамъ въ области народнаго производства. Мы „не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства“ и т. д.; „мы не старались *поддержать* принципъ, освященный вѣками нашей прошлой хозяйственной жизни — нахожденіе средствъ производства въ рукахъ непосредственныхъ производителей“ (въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ?); мы не стремились „развить крупное производство въ народно-общественной формѣ, при которой обмирщившееся (обобществленное) производство направляется на удовлетвореніе потребностей всего общества“ (стр. 323, 325, 331 и др.). Но какъ „воспрепятствовать“, „поддержать“ и „развить“? Неужели правительственными запрещеніями и распоряженіями? Можно сказать заранѣе, что всякіе указы были бы бессильны въ этихъ промышленныхъ дѣлахъ, и что цѣлая армія новыхъ чиновниковъ-надзирателей и контролеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, не могла бы услѣдить за всѣми закулисными переменами въ ходѣ народно-хозяйственныхъ явленій въ предѣлахъ Россійской имперіи. Какъ, наконецъ, отнестись къ существующимъ и устраиваемымъ вновь капиталистическимъ предпріятіямъ? Издать ли просто законъ, запрещающій устройство какихъ-либо промышленныхъ предпріятій на другихъ началахъ, кромѣ народныхъ, освященныхъ вѣками и т. д., — подъ страхомъ строгихъ карательныхъ мѣръ? Это было бы ужъ слишкомъ просто и едва-ли благоразумно.

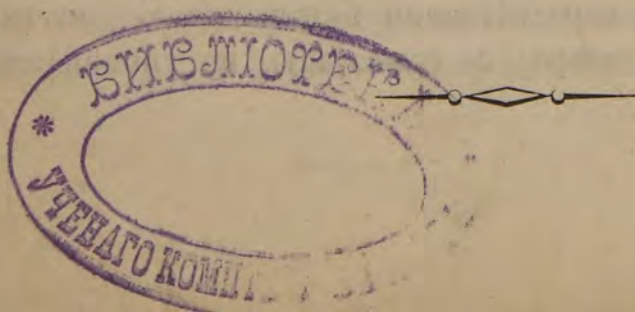
Между прочимъ, самъ авторъ, отстаивая мелкіе крестьянскіе промыслы отъ посягательствъ капитализма, отрекается отъ этихъ промысловъ и готовъ принести ихъ въ жертву народному прогрессу, когда рѣчь идетъ о желательной организаціи промышленности. Слѣдовало бы, — говоритъ онъ, — „развить *крупное* производство въ народно-общественной формѣ“; но что станетъ тогда съ домашнею и кустарною промышленностью и почему здѣсь забыты уже всѣ аргументы противъ сосредоточенія производства въ крупныхъ предпріятіяхъ? Оказывается, что „мы, находясь въ семьѣ европейскихъ народовъ, быстро развивающихся производителей труда, не можемъ довольствоваться ни тою формою мелкаго домашняго производства, которая насъ удовлетворяла не далѣе трехъ, четырехъ десятилѣтій тому назадъ, — и о поддержкѣ которой мечтаютъ многіе, — ни тою, которая ее смѣнила

и которую мы искусственно насаждаемъ, и которой покровительствуемъ въ ущербъ благосостоянію всего населенія. Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ“ ... Научное земледѣліе и современную крупную промышленность намъ приходится „привить къ общинѣ и въ то же время настолько видоизмѣнить ее, чтобы она была въ состояніи сдѣлаться подходящимъ орудіемъ для организациі *крупной* промышленности и для преобразования ея изъ капиталистической формы въ общественную“. Объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей должно быть достигнуто „не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ“, — что было бы равносильно „увѣковѣченію всеобщей посредственности“, — а на почвѣ созданія „крупнаго общественного, обмѣренного производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ, производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники, и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостояніе всего населенія“ (стр. 345—6).

Если авторъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ „многихъ“, которые мечтаютъ о поддержкѣ мелкаго домашняго производства крестьянъ, то значительная часть его книги, наполненная пространными доводами въ защиту этой народной формы промышленнаго труда, теряетъ свой *raison d'être*. Организовать крупную промышленность въ земледѣльческой общинѣ, — это уже нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ съ бесплодною многорѣчивостью уличать капитализмъ въ насажденіи крупнаго производства, столь пагубнаго для мелкихъ крестьянскихъ промысловъ. Для крупныхъ общинныхъ предпріятій пригодятся и желѣзныя дороги, которыя авторъ вѣроятно не будетъ уже считать зловердными. Наши жалкія, невѣжественныя крестьянскія общины, беспомощныя противъ перваго поавшагося кулака-предпринимателя, превратятся вдругъ въ передовыя земледѣльческо-промышленныя хозяйства, вооруженныя всѣми пріобрѣтеніями науки и техники, способныя съ успѣхомъ замѣнить нынѣшнюю крупную промышленность и дать достойные подражанія образцы просвѣщенной западной Европѣ! Изъ какихъ элементовъ могутъ у насъ образоваться эти небывалыя сельскія общины, обладающія не только твердымъ сознаніемъ высшихъ нравственныхъ началъ справедливости, солидарности, безкорыстія и пр., но и разнороднѣйшими научными и техническими свѣденіями, — объ этомъ авторъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ ни

однимъ словомъ. Куда дѣнутся массы Деруновыхъ и Колупаевыхъ, кабатчиковъ и мироѣдовъ, сельскихъ ростовщиковъ и эксплуататоровъ всякаго рода, распоряжающихся теперь въ большинствѣ нашихъ крестьянскихъ обществъ, — это тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Не сказано также, нужно ли ожидать новой организаціи общинъ по почину и подъ руководствомъ государства или лучше предоставить самимъ общинамъ преобразоваться по-своему, согласно народнымъ понятіямъ и желаніямъ. Если предпочесть послѣднее и имѣть въ виду только поощреніе устройства фабрикъ и заводовъ самими крестьянами, то въ этой скромной формѣ существуютъ уже фактическіе примѣры, которые со временемъ могутъ получить дальнѣйшее распространеніе; есть общины, устроившія у себя кирпичные, лѣсопильные заводы, и извлекающія изъ нихъ хорошій доходъ для общей пользы міра, — но для доказательства важности и благотворности такихъ предпріятій для крестьянъ не стоило вновь излагать теорію Маркса и искать въ ней отвѣта на насущные вопросы нашей экономической жизни. Ради идеи болѣе общей и неопредѣленной, совершенно фантастической въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ — идеи, не перешедшей въ область практики даже въ центрахъ высшей современной культуры и цивилизаціи, — было по меньшей мѣрѣ преждевременно со стороны автора употреблять такъ много краснорѣчія на опроверженіе или ослабленіе единственной практической программы, которая имѣетъ у насъ реальную, положительную почву. Г. Николай — онъ довольствуется намекомъ на свою идею въ концѣ книги; но онъ очень подробно и обстоятельно доказываетъ, что измѣненіе податной системы, возвышеніе производительности крестьянскаго труда, увеличеніе надѣловъ и устройство мелкаго земледѣльческаго кредита не могутъ будто бы улучшить положеніе нашего крестьянства. Идея остается еще пока въ отдаленномъ туманѣ и не предложена прямо самимъ авторомъ; наше ослабѣвшее сельское населеніе могло бы совсѣмъ утратить свою экономическую самостоятельность и подпасть подъ новое иго организованнаго сельскаго кулачества, еслибы отбросить реальныя, настоятельныя требованія жизни въ надеждѣ на будущую „идею“, сохраняемую пока подъ спудомъ. Намъ кажется, что корень заблужденій г. Николая — она, какъ и многихъ другихъ писателей-экономистовъ, заключается въ ошибочности основныхъ понятій о государствѣ и законодательствѣ, равно какъ и въ одностороннемъ, крайне абстрактномъ взглядѣ на экономическія отношенія и условія.

Л. Слонимскій.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

